

ДИАНА ФУРСОВА

ЛЕКАРКА ДЛЯ СЕВЕРНОГО КНЯЗЯ

Хозяйка белого двора

Диана Фурсова

**Лекарка для северного
князя. Хозяйка белого двора**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Лекарка для северного князя. Хозяйка белого двора /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

После аварии в метель фельдшер Вера приходит в себя в чужом теле - в санях у ворот Белого двора. Её привезли как последнюю надежду для северного князя, которого уже почти списали со счетов. Но Белый двор гибнет не только из-за болезни хозяина: люди запуганы, запасы исчезают, в доме прячут старую ложь, а за холодом и молчанием Ратмира скрывается не только рана, но и древняя клятва, из-за которой этот дом умирает вместе со своим родом. Чтобы дожить до весны, Вере придётся стать не просто лекаркой, а настоящей хозяйкой Белого двора: навести порядок, спасти наследника, раскрыть предательство и заставить суровый Север признать её своей. Вот только чем ближе она к князю, тем страшнее выбор: уйти живой... или остаться рядом с мужчиной, которого уже невозможно не любить.

Содержание

Глава 1. Снег, чужое имя, мёртвый двор	5
Глава 2. Цена первой помощи	13
Глава 3. Хозяйка поневоле	21
Глава 4. Северный князь не просит	30
Глава 5. Те, кто держит Белый двор	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1. Снег, чужое имя, мёртвый двор

Снег пах железом.

Это было первым, что она поняла, вынырнув из темноты: не боль, не холод, не качку — именно этот странный, металлический запах зимы, будто воздух вокруг долго держали в ледяных ладонях, а потом швырнули ей в лицо.

Вера резко втянула воздух и тут же закашлялась.

Над ней нависал тёмный меховой полог. Под щекой была не подушка, а что-то жёсткое, шершавое, пропахшее овчиной и лошадыми. Сани качнуло так сильно, что у неё стукнулись зубы, и только тогда Вера окончательно поняла: это не машина, не носилки, не карета скорой помощи, не чёртов сон после двадцатичасовой смены.

Сани.

Господи.

Она дёрнулась, пытаясь подняться, и чужое, слишком тяжёлое тело ответило не сразу. Висок прострелило болью. В пальцах не было привычной цепкости, ладони показались тоньше, запястья — слабее. На ней была не форма, не пуховик, не джинсы, а несколько слоёв грубой одежды, зашнурованной на груди так туго, что дышать было трудно.

Снаружи скрипнули полозья.

— Очухалась, — буркнул мужской голос, глухой, как будто его хозяин давно разучился говорить с живыми. — Я ж говорил, довезём.

— Довезти-то довезём, — ответил второй. — Только на кой? Белый двор мертвецов не любит. А эта... глянь на неё. Ещё в воротах дух испустит.

Вера замерла.

Не потому, что испугалась. После нескольких лет на скорой она привыкла не тратить силы на бесполезный ужас. Просто её сознание, едва собранное по кускам, вдруг натолкнулось на невозможное: она понимала каждое слово.

И не понимала ничего.

Снег скребнул по пологу. Сани остановились.

Вера с усилием откинула мех в сторону и села.

Мир был белым — не чистым, не светлым, а вымороженным до костей.

Перед ней, как из метели вырезанный ножом, поднимался дворец. Нет, не дворец. Двор. Огромный, каменный, тяжёлый, с высокими башнями и длинными крыльями, связанными крытыми переходами. Белый когда-то, теперь он казался серым, как старая кость. На карнизах висели ножи сосулек. В окнах, слишком многих окнах, не было света. Над крышей едва курились редкие струйки дыма, и этого хватало, чтобы понять главное: такое огромное место не отапливалось как следует.

Оно не жило.

Оно доживало.

Ворота Белого двора стояли открытыми, будто сил закрывать их у местных давно не осталось. По сторонам чернели столбы с резьбой, замётённой снегом. На одном столбе сидел ворон и смотрел на подъезжающие сани так пристально, словно ждал, кого сегодня занесут внутрь.

Вера провела ладонью по лицу и на миг застыла.

Чужая кожа.

Не другая по форме — другая по ощущению. Щёки тоньше, подбородок острее. Волосы, выбившиеся из-под тёплого платка, были слишком длинными. Тёмными. Её волосы были короче. Она носила удобное каре, потому что длинные мешали на дежурствах.

Память ударила резко, как открытая дверца машины на ходу.

Ночной вызов. Метель на трассе. Старенький фургон, который понесло боком. Чей-то крик в рации. Белый свет фар, врезавшийся прямо в лобовое стекло.

Потом — ничего.

Вера сжала край саней так сильно, что занемели пальцы.

— Госпожа Ярина, — сказал кто-то снизу сухим голосом, и её будто окатило ледяной водой. — Приехали.

Ярина.

Она медленно подняла глаза.

У саней стояла женщина лет шестидесяти, высокая, прямая, с таким лицом, будто жалость в нём умерла раньше всех остальных чувств. На ней был тёмный, почти чёрный шерстяной плащ, подбитый седым мехом. На поясе звенела тяжёлая связка ключей. Женщина не протягивала руки, не пыталась помочь. Просто ждала, как ждут приказного письма или дурной вести.

— Я... — голос оказался ниже, мягче, чем её собственный. Вера кашлянула. — Где я?

Женщина посмотрела на неё долгим, холодным взглядом.

— В Белом дворе. И вам бы лучше не задавать глупых вопросов у ворот, госпожа Ярина. Здесь и без того лишних слов хватает.

Она сказала это не зло — хуже. Будто ей было всё равно.

— Меня зовут не...

Вера осеклась.

Что она могла сказать? Меня зовут Вера, я фельдшер скорой помощи, я умерла на трассе и проснулась в чужом теле среди саней, лошадей и каменного кошмара посреди снежной пустоши?

Женщина чуть прищурилась.

— Память отшибло? — спросила она так спокойно, что от этого стало не по себе. — Бывает. Особенно когда жизнь с человека слезает слоями.

Сбоку хмыкнул возница.

— Она и раньше умом не блистала.

Вера повернулась к нему так резко, что тот невольно подался назад.

Ничего особенного она не сделала. Просто посмотрела. Так, как смотрела на пьяных дебоширов в приёмнике, когда уставала объяснять вежливо.

Возница осёкся.

Женщина с ключами впервые изменилась в лице — совсем чуть-чуть, но Вера заметила. Удивление. Крошечное. Спрятанное.

— Спускайтесь, госпожа, — сказала она уже иначе. — Князь не любит ждать.

Князь.

От этого слова по спине пробежал неприятный холод, никак не связанный с зимой.

Вера выбралась из саней. Ноги подломились на мгновение — чужое тело было слабым, как после долгой болезни, — но она устояла. Сразу стало ясно, что здесь нельзя показать себя беспомощной. Ни одной лишней секунды слабости. Ни одного лишнего вопроса. Эти люди не подхватят. Не объяснят. Не пожалеют.

Снег под сапогами скрипел так сухо, словно ломались тонкие кости.

Белый двор давил молчанием.

На широком дворе не было обычной для большого хозяйства суеты. Не хлопали двери, не кричали люди, не лаяли собаки. Лишь два слуги, согнувшись от ветра, тащили охапку дров. Да у стены стояла худая кобыла с обледеневшей гривой. В правом крыле, возле низких хозяйственных построек, кто-то выбивал ковёр, но делал это вяло, без надежды, что пыль вообще имеет значение.

Вера поймала себя на том, что отмечает детали автоматически, по привычке: у конюха синие губы, у одного слуги перевязан локоть, слишком тонко одетый мальчишка несёт ведро с водой, ступая осторожно, будто боится упасть не из-за льда, а из-за того, что потом некому будет поднять.

Здесь было холодно не только из-за зимы.

Здесь сэкономили на тепле, на свете, на людях — и, похоже, давно.

Женщина с ключами повела её к главному крыльцу. Каменные ступени были замечены лишь частично, словно чистили их по обязанности, без усердия. На дверях виднелась выцветшая резьба — переплетающиеся ветви, птицы, волчьи головы. Красиво. И мёртво.

— Как вас зовут? — негромко спросила Вера.

— Домоправительница Ульяна.

— А меня вы действительно знаете как Ярину?

Ульяна не сразу ответила.

— Я знаю, кого нам прислали. Этого достаточно.

— Откуда прислали?

— Из города.

— Зачем?

Ульяна остановилась у дверей, повернулась к ней и посмотрела в упор.

— Вы и правда ничего не помните, — произнесла она. — Любопытно.

В её голосе не было участия. Только настороженность.

— Тогда запомните сейчас. Говорить будете мало. Смотреть — больше. И если в вас осталась хоть капля здравого смысла, не пытайтесь изображать здесь хозяйку раньше времени.

— Раньше какого времени? — тихо спросила Вера.

Ульяна взялась за бронзовое кольцо двери.

— Раньше, чем Белый двор решит, оставит вас в живых или нет.

Дверь распахнулась.

В лицо ударил не тёплый воздух, а сырой холод камня. Внутри было темнее, чем снаружи. Высокий вестибюль уходил вверх под своды, где терялся свет редких ламп. Мозаичный пол был вытерт до матовой тусклости. На стенах висели старые гобелены — когда-то яркие, теперь выцветшие. Вдоль стены стояли скамьи, и на одной из них дремала девушка в шерстяном платье, прижимая к груди корзину с бельём. Услышав шаги, она вскинулась, увидела Веру и торопливо отвела глаза.

Не как прислуга, увидевшая хозяйку.

Как человек, увидевший беду и решивший не приближаться к ней.

Они шли дальше. Коридор, ещё один, переход, лестница. Белый двор раскрывался не величием, а упадком. Красота здесь ещё держалась — упрямо, из последних сил, — но под ней Вера уже чувствовала сырость, усталость, запустение. В одном окне дуло так, что занавесь шевелилась от сквозняка. В углу стояла медная жаровня, давно остывшая. На подоконнике лежала треснувшая фарфоровая чашка, и никто не убрал её, хотя в таких домах обычно замечают каждую мелочь.

Здесь давно перестали замечать.

— Князь болен? — спросила Вера, пока Ульяна вела её по длинной галерее.

— Князь жив.

— Это не одно и то же.

— Для Севера — почти одно и то же.

Любопытная оговорка.

— А меня везли как лекарку?

— Вас везли как последнюю надежду, — сухо ответила Ульяна. — Но это не значит, что вы ею являетесь.

Вера едва заметно выдохнула.

Значит, вот зачем здесь чужое тело. Лекарка. Или женщина, которую сочли пригодной сыграть в лекарку. Неважно. Важно другое: её привезли в место, где кто-то, вероятно, умирает, а местные уже не верят ни в помощь, ни в чудо.

Она очень хорошо знала это выражение глаз. Так смотрят родственники возле реанимации. Так молчат на лестничной клетке после слов «состояние тяжёлое». Так отводят взгляд люди, когда надеяться уже стыдно.

Они поднялись ещё на один пролёт. Здесь стены были светлее, а коридор — шире, но от этого не становилось легче. Навстречу им вышел мужчина в тёмной тунике, с перебинтованной кистью и лицом, пересечённым старым шрамом. Он увидел Веру и чуть заметно скривил губы.

— Эту? — спросил он Ульяну.

— Эту.

— Поздно.

— Я не часы, чтобы опаздывать, — спокойно сказала Вера.

Мужчина явно не ожидал ответа. Его взгляд скользнул по ней — оценивающий, тяжёлый.

— У нас в Белом дворе женщины сперва кланяются, потом говорят.

— А у нас, — ответила Вера, — люди сначала объясняют, что происходит, а потом требуют вежливости.

На мгновение стало так тихо, что слышно было, как где-то далеко хлопнула дверь.

Шрамованный медленно усмехнулся — без тепла.

— С характером, значит.

— Живая, — поправила Вера.

Он хотел сказать что-то ещё, но Ульяна уже двинулась дальше.

— Страж Яровит, — бросила она через плечо. — Любит думать, что его спрашивали.

Яровит фыркнул, но спорить не стал.

Через несколько шагов Вера поняла почему.

Перед высокими двустворчатыми дверями стояли двое вооружённых мужчин. Не стража у парадной залы. Личная охрана. За дверями было тихо, и от этой тишины почему-то становилось тревожнее, чем от криков.

Ульяна остановилась.

— Говорить с князем будете только по делу, — сказала она негромко. — Не лгите. Он чувствует ложь, как волк кровь.

— А правду?

— Правду он не любит ещё сильнее.

И, не дав Вере ничего ответить, кивнула охране.

Двери распахнулись.

Комната была огромной — слишком большой для одного человека и слишком холодной для больного. Высокие окна тонули в сером свете зимнего дня. В камине горел огонь, но не спасал. На стене висела карта Севера. У дальней стены — длинный стол с развёрнутыми свитками. У окна — кресло с высоким резным спиналом.

И мужчина, который не должен был вставать, но всё равно стоял.

Он опирался ладонью на спинку кресла, будто позволял себе эту опору неохотно. Высокий, широкоплечий, в тёмной одежде без лишних украшений. Волосы, почти чёрные, были собраны на затылке, открывая жёсткую линию скул. Лицо казалось высеченным из того же северного камня, что стены вокруг: холодное, точное, не терпящее ни суеты, ни жалости. Только бледность под смуглой кожей и чуть слишком неподвижное плечо выдавали болезнь или рану.

Он смотрел на неё так, будто видел насквозь.

И от этого взгляда Вера вдруг остро, почти неуместно почувствовала: живой.

Вот это было живым в Белом дворе. Не огонь, не люди в коридорах, не хруст снега за окнами.

Этот мужчина.

— Так вот кого прислали мне на замену смерти, — произнёс он.

Голос был низким, спокойным, без надрыва. Но в комнате сразу стало теснее.

Ульяна склонила голову.

— Госпожа Ярина, князь Ратмир.

Имя упало в тишину, как клинок в снег.

Князь даже не посмотрел на домоправительницу. Всё его внимание было приковано к Вере.

— Подойди, — сказал он.

Это было не просьбой.

Вера подошла на несколько шагов и остановилась.

Близко. Достаточно, чтобы увидеть детали: усталость под глазами, тонкую белую полосу старого шрама у виска, едва заметную жёсткость дыхания. И ещё — запах. Не тяжёлый дух болезни, которого она боялась почувствовать, а холодный, хвойный, с дымом. От этого стало легче и опаснее одновременно.

Он изучал её молча.

Слишком долго.

Вера знала такой осмотр. Так опытный врач смотрит на снимок, где чего-то не хватает. Так следователь рассматривает показания, в которых всё слишком гладко. Так человек, которого уже однажды предали, прикидывает, станет ли перед ним второй нож.

— Ты не похожа на женщину, которую мне описывали, — сказал князь наконец.

— Возможно, она не дожила до вашего описания, — ответила Вера прежде, чем успела остановить себя.

Ульяна тихо втянула воздух.

На лице князя ничего не изменилось. Только взгляд стал темнее.

— Дерзость, — проговорил он. — Или страх, который решил прикинуться умом.

— Скорее усталость, — сказала Вера. — Меня везли сюда через метель и ни разу не объяснили, чего ждут.

— А чего ждёшь ты?

Этот вопрос ударил точнее предыдущих.

Вера не отвела глаз.

— Понять, зачем меня сюда привезли.

— Чтобы спасти мне жизнь, разумеется, — бесцветно произнёс князь.

Он сказал это так, что сразу стало ясно: сам он в такую возможность не верит.

— Тогда мне нужно знать, что с вами произошло.

— Ты будешь задавать мне вопросы?

— Если хотите остаться живым, да.

Ульяна тихо шевельнулась, будто уже мысленно прощалась с новоприбывшей.

Но князь не вспылал. Не повысил голос. Только медленно выпрямился, и это едва заметное движение отозвалось в Вере тревогой: ему было больно. Очень. Но он предпочитал боль слабости.

— Все вы одинаковы, — проговорил он. — Сначала обещаете, потом требуете власть над домом, над телом, над людьми. А когда понимаете, что Белый двор не покупается на сладкие речи, начинаете искать, кого бы обвинить.

— Я ничего вам не обещала.

— Пока.

Он сделал шаг к ней.

И мир внезапно сузился до расстояния между ними.

Вера не отступила. Только подняла подбородок чуть выше.

Она видела его лучше теперь: твёрдая складка у рта, тень бессонных ночей, сдержанность, натянутая до предела. Этот человек держался не на здоровье, не на покое и не на чьей-то заботе. На упрямстве. На долге. На чём-то ещё, более тёмном.

И всё это было опасно.

— Как давно вы больны? — тихо спросила она.

Князь усмехнулся одними глазами.

— Вот и первая ошибка. Ты решила, что в этой комнате я — самый больной.

Он повернулся к ней боком, и Вера сразу заметила, как неестественно натянута ткань на левом плече. Там, под одеждой, что-то было не так. Рана. Старая? Открытая? Плохо заживающая? Воспалённая?

— Вам трудно двигать рукой, — сказала она. — И вы держите вес неравномерно. Значит, боль усиливается при каждом резком движении. Вы бледнее человека, который просто не выпался. В комнате холодно, но у вас жар — я вижу по коже у висков. А ещё здесь пахнет полыньёю и жжёным льном. Значит, вас уже пытались лечить. Безуспешно.

Тишина после её слов стала другой.

Теперь на неё смотрел не человек, ожидавший глупой болтовни, а мужчина, который впервые услышал что-то по делу.

Князь медленно перевёл взгляд на Ульяну.

— Кто ей рассказал?

— Никто, князь, — ответила та.

— Тогда откуда?

Вера пожала плечом.

— У меня есть глаза.

— И язык, который живёт быстрее ума.

— Иногда это полезно.

Что-то дрогнуло в его лице. Не улыбка. Тень её, которую он тут же уничтожил.

— И всё же, — произнёс князь, — я не просил присылать ко мне никого.

— Тогда зачем меня привезли?

Он посмотрел в окно, за которым метель медленно лизала стекло.

— Потому что в городе решили: если Белый двор всё равно доживает последнюю зиму, можно испытать на нём всё, что угодно.

От этих слов холод в комнате стал ощутимее.

Вера почувствовала: вот она, правда. Не вся. Но важная её часть. Белый двор не просто хиреет. Его уже списали. Как старика в палате, которому больше не предлагают операций — только подушку повыше и дежурное сочувствие.

— Значит, вы меня не звали, — сказала она.

— Нет.

— Но вы умираете.

Ульяна вскинула голову. Стражи у двери напряглись.

Князь же остался неподвижен.

— Смелая женщина, — тихо произнёс он. — Или безумная.

— Я предпочитаю точность.

Он смотрел так долго, что Вера поняла: именно сейчас решается не её роль в этом доме. Её право пережить сегодняшний день.

— Как твоё имя? — спросил князь.

Вопрос был простым. Почти обычным.

Но Вера вдруг поняла, что не может ответить сразу.

Потому что «Вера» здесь ничего не значило. Потому что ей уже дали чужое имя, и, возможно, именно под ним это тело знали, ненавидели, ждали или презирали. Потому что одно неверное слово могло обрушить всё, чего она ещё не понимала.

Она задержала дыхание.

— Ярина, — сказала наконец.

Ложь легла на язык тяжело, как камень.

И князь это заметил.

Она увидела по глазам.

— Значит, Ярина, — повторил он. — Тем хуже для тебя.

Он отошёл к креслу и опустил ладонь на резную спинку. На короткий миг Вера подумала, что сейчас он всё-таки позволит ей подойти, осмотреть рану, задать вопросы, зацепиться хотя бы за работу — единственное, что умеет делать, когда мир рушится.

Но князь произнёс:

— Ульяна. Отправь её обратно.

Вера не сразу поняла, что это серьёзно.

— Что?

— Ты плохо слышишь?

— Выставляете меня за дверь? Сейчас? В метель?

— Белый двор не приют. И я не собираюсь проверять на себе, что именно прислали мне из города: дурочку, шпионку или женщину, которая лжёт о собственном имени так же легко, как дышит.

Вот оно.

Он поймал её.

Вера стиснула зубы.

— Я солгала не потому, что хочу вам вреда.

— Все так говорят.

— Тогда дайте мне шанс доказать обратное.

— Белый двор уже слишком дорого платил за такие шансы.

Он произнёс это без злости, и оттого прозвучало ещё жёстче.

Ульяна шагнула к Вере.

— Пойдёмте, госпожа.

— Нет, — сказала Вера, не отводя глаз от князя. — Вы в лихорадке, плечо воспалено, в доме холодно даже на втором этаже, у вас измождённые люди и, судя по всему, кто-то давно врёт вам о настоящем состоянии двора. Если вы сейчас выгоните меня только потому, что вам удобнее никому не верить, это будет не сила. Это будет глупость.

Стражи у двери дёрнулись.

Ульяна побледнела.

А князь замер так неподвижно, что Вера впервые по-настоящему испугалась.

Не крика. Не удара. Хуже.

Того ледяного спокойствия, за которым следует приговор.

— Ты пришла в мой дом, — произнёс он очень тихо, — и называешь меня глупцом?

— Я пришла в дом, который умирает, — ответила Вера. — И пока вижу, что вы упрямо помогаете ему умереть.

Каждое слово было опаснее предыдущего. Она знала это. Но остановиться уже не могла. Потому что всё внутри неё протестовало против привычной, удобной для окружающих покорности. Потому что умирающий дом, больной мужчина и люди с глазами, в которых давно потухла надежда, были ей слишком понятны.

И потому что идти обратно в метель означало, скорее всего, просто умереть у ворот.

Князь медленно вдохнул.

Смотрел он на неё так, будто решал, чего в ней больше — пользы или беды.

— Яровит, — произнёс он, не оборачиваясь.

Шрамованный страж тут же шагнул от двери.

— Выведи её. Посади в те же сани. Пусть отвезут туда, откуда привезли.

Что-то оборвалось у Веры под рёбрами.

Нет.

Нет, только не так.

Она уже открыла рот, чтобы сказать ещё что-нибудь — жёстче, умнее, отчаяннее, — когда за дверью послышались быстрые детские шаги.

Все повернули головы одновременно.

Створка распахнулась так резко, что ударилась о стену.

На пороге стоял мальчик лет десяти, худенький, слишком бледный для ребёнка. В тонкой домашней куртке, без шапки, с прилипшими ко лбу светлыми волосами. Он дышал часто, будто бежал издалека, и сжимал что-то в кулаке — кажется, деревянную фигурку коня.

— Дядя... — выдохнул он.

Князь резко изменился.

Не смягчился — собрался в одну точку.

— Мирон? Кто позволил тебе встать с постели?

Мальчик попытался сделать ещё шаг.

— Там... внизу... я хотел...

Он запнулся. Моргнул. Лицо у него внезапно стало ещё блее, почти прозрачным.

Вера увидела это раньше остальных.

Слишком частое дыхание. Расфокусированный взгляд. Слабость в коленях. Тонкие пальцы, внезапно разжавшиеся так, что деревянный конёк стукнулся о пол.

— Подождите, — резко сказала она.

Но было поздно.

Мирон качнулся, как тонкая свечка на ветру, и рухнул прямо к ногам князя.

Крик Ульяны разорвал тишину.

А Вера уже сорвалась с места.

Глава 2. Цена первой помощи

Мирон упал так тихо, что самым страшным в первое мгновение показался не сам удар тела о пол, а тишина после него.

Вера оказалась рядом раньше, чем кто-либо успел крикнуть повторно. Юбка путалась в ногах, пол был скользким от талого снега, принесённого с сапог, но она уже опускалась на колени, уже ловила мальчика за плечи, уже чувствовала кожей, как вокруг неё сдвигается воздух — тяжёлый, враждебный, испуганный.

— Не трогай его, — резко сказал князь.

Она даже не подняла головы.

— Тогда сами спасайте, — бросила Вера и положила ладонь Мирону на шею.

Пульс был. Частый, слабый, неровный.

Мальчик не просто потерял сознание от испуга или бега. Его тело было слишком горячим для человека, стоявшего на ледяном полу босыми силами. Губы побледнели. Дыхание шло поверхностно, с короткими провалами, будто грудь не успевала за сердцем.

— Ульяна, — сказала Вера быстро, — тёплое одеяло. Немедленно.

— Ты...

— Немедленно! — отрезала она так, что домоправительница вздрогнула.

Слишком резко. Слишком смело. Но времени на осторожность уже не было.

Мирон тихо застонал, не приходя в себя. Вера убрала волосы с его лба и сжала челюсти. Нельзя было думать о том, где она, кто смотрит ей в спину и какую цену она заплатит за этот тон. Сейчас перед ней был ребёнок, и только это имело значение.

Князь опустил рядом с племянником одним тяжёлым, сдержанным движением. Видимо, боль в плече прострелила его насквозь, потому что на миг по лицу прошла тень, но он не издал ни звука.

— Что с ним? — спросил он.

Теперь в его голосе не было холодной насмешки. Только приказ, в котором уже жила тревога.

— Сколько дней он болеет?

— Третий.

— Жар держался?

— К вечеру.

— Кашель?

— Иногда.

— Ел?

— Плохо.

Она вскинула глаза.

— Почему вы до сих пор держите его в холодной комнате?

Князь смерил её взглядом.

— Ты ещё ничего не знаешь о моём доме.

— Зато вижу, что ребёнок у вас горит и падает в обморок посреди перехода, — сказала Вера. — Мне этого достаточно, чтобы начать действовать.

Ульяна уже неслась обратно с тяжёлым шерстяным покрывалом, за ней — перепуганная служанка с кувшином воды.

— Не воду, — отрезала Вера. — Подушки. И что-нибудь мягкое под голову. И уберите всех от двери, здесь не ярмарка.

Охрана замерла, не понимая, слушаться ли чужую женщину. Решил князь.

— Делать, что она говорит, — тихо приказал он.

Это не было доверием. Только выбором человека, у которого не осталось времени спорить.

Вера осторожно уложила Мирона ровнее, укрыла до груди и разжала его пальцы. Деревянный конёк, выпавший из руки мальчика, лежал рядом. Потёртый, с треснувшим ухом. Любимая вещь. Носил с собой.

Почему-то именно эта деталь царапнула сильнее всего.

— Мирон, — сказала она, наклоняясь ниже. — Слышишь меня? Открой глаза.

Ресницы мальчика дрогнули, но не поднялись.

Князь сжал спинку стула, который кто-то торопливо подвинул к ним. Так сильно, что побелели пальцы.

— Он уже терял сознание? — спросила Вера.

— Нет.

— Носом кровь шла?

— Нет.

— Судороги?

— Нет.

Она кивнула. Хорошо. Хотя бы так.

— Его надо перенести туда, где теплее. И быстро.

— Он останется здесь, — жёстко произнёс князь.

Вера медленно выпрямилась.

— Если останется здесь, ему станет хуже.

— А если ты потащишь его через весь этаж, станет лучше?

— Да, если внизу не ледник.

Они смотрели друг на друга с расстояния одного шага. Мирон лежал между ними, как живая граница.

— Ты забываешься, — сказал князь.

— Нет, — ответила Вера. — Это вы забываете, что я сейчас нужна не вам. Ему.

Ульяна, стоявшая рядом с одеялом в руках, тихо втянула воздух.

Князь не ответил сразу. Взгляд его скользнул к мальчику, задержался на слишком бледном лице, на тонких пальцах, лежащих поверх шерсти, на прилипших ко лбу волосах. Когда он снова посмотрел на Веру, в его молчании появилась злость. Не на неё — на необходимость выбирать.

— Яровит, — сказал он. — Малую гостевую. Ту, где топят каждый день.

Шрамованный страж шагнул вперёд без единого слова.

— Я сам понесу, — добавил князь.

— Нет, — тут же сказала Вера.

Он поднял голову так резко, будто его ударили.

— Что?

— Вы не понесёте ребёнка с такой раной в плече.

В комнате повисла звенящая тишина.

Яровит опустил взгляд. Ульяна замерла так неподвижно, будто надеялась стать частью стены. Даже Мирон в этот миг, казалось, перестал дышать.

— Ты слишком много себе позволяешь, — очень тихо произнёс князь.

— Возможно, — сказала Вера. — Но если вы сейчас потащите его сами, потом рухнете следом. И тогда мне придётся спасти двоих.

Его лицо не изменилось. Только в глазах вспыхнуло что-то тёмное, опасное, как лёд под снегом.

— Яровит, — повторил князь уже не повышая голоса.

Страж склонился, бережно поднял мальчика на руки и понёс к двери.

— Ульяна, — сказала Вера. — Вы со мной.

Она не спрашивала.

И снова — впервые за долгое время, наверное, в этом доме — ей подчинились не потому, что она имела право, а потому что отказываться оказалось страшнее.

Малую гостевую действительно топили. Но по меркам Белого двора это всё равно означало лишь то, что в комнате не шёл пар от дыхания.

Вера огляделась быстро: широкая кровать у стены, сундук, стол, два кресла, лампа, таз на подставке, плотные шторы на окне. Уже лучше.

— На постель, — велела она. — Нет, не раздевайте полностью. Только верхнюю одежду. Осторожно.

Пока Ульяна и служанка возились с застёжками, Вера придвинула ближе лампу и встала у изголовья. Мирон пришёл в себя на несколько мгновений, приоткрыл мутные глаза, будто увидел перед собой совсем не эту комнату.

— Дядя?.. — шепнул он.

— Здесь, — сразу отозвался князь.

Он стоял у кровати слишком близко для человека, который привык скрывать чувства. И слишком неподвижно для человека, которому не больно.

Мальчик чуть повернул голову в его сторону.

— Я не хотел... мешать...

— Ты и не мешал, — глухо сказал князь. — Молчи.

Вера скользнула взглядом по его лицу.

Вот оно. Не отстранённый правитель. Не северный хозяин, которого все боятся. Мужчина, для которого этот ребёнок значил больше, чем он позволял себе показать.

— Ему нужен покой, — сказала она, уже мягче. — И тишина.

— Тогда говори быстрее, — отрезал князь.

Ей очень хотелось ответить в том же духе. Но она сдержалась. Сейчас нельзя было снова превращать разговор в дуэль.

Вера коснулась лба Мирона, потом запястья. Жар был сильным, и мальчика явно знобило. Она попросила подать чистую ткань, велела принести тёплую воду, не кипятком, и что-нибудь горячее, но не тяжёлое — бульон, если есть, отвар, что угодно. Служанка кивнула и метнулась к двери.

— Он простужен? — спросила Ульяна.

— Нет, — сказала Вера. — Или не только. Его долго держали на ногах, когда нельзя было. Он истощён, жар не сбит, комната, в которой он лежал, холодная. И кто-то явно решил, что ребёнка можно лечить терпением.

— Его лечили лучшие, — ледяным голосом сказал князь.

— Тогда ваши лучшие либо слишком горды, либо слишком устали замечать очевидное. Он шагнул к ней.

— Осторожнее.

Вера вскинула голову.

— А вы внимательнее. Я не оскорбляю ваш дом. Я пытаюсь понять, почему здесь каждый второй выглядит так, будто пережил плохую зиму ещё до середины этой.

Это было правдой, и он это знал. По лицу Ратмира скользнула тень. Не согласия — усталого раздражения человека, которому назвали то, что он и сам давно видит.

Ульяна опустила глаза.

— Зима тяжёлая, — сказала она после короткой паузы.

— Нет, — отозвалась Вера. — Не только зима. У вас провалено хозяйство. Плохо отапливаются комнаты. Люди работают через силу. В доме сырость. На дворе мало дыма. Значит,

бережёте дрова. Или их не хватает. Ребёнок с жаром бежит по переходам без присмотра. Это уже не случайность.

Тишина стала плотной.

Ульяна медленно выпрямилась.

— Вы только приехали, госпожа, — произнесла она подчёркнуто ровно. — И уже судите о том, чего не знаете.

— А вы много лет здесь, — тихо ответила Вера. — И, кажется, успели привыкнуть.

Домоправительница вспыхнула, но ответить не успела.

Мирон закашлялся — сухо, надломленно. Вера сразу села на край кровати, приподняла мальчика, придерживая за плечи, и велела подать кружку, как только её принесли. Он сделал два маленьких глотка и снова откинулся на подушки, вымотанный даже этим.

— Всё хорошо, — сказала Вера негромко, поправляя одеяло. — Сейчас только лежать. Никуда не идти. Никого не спасать.

Глаза Мирона на миг задержались на её лице.

— Вы... новая лекарка? — прошептал он.

— Пока нет, — ответила она. — Но ты можешь считать, что мне очень нужно ею стать.

Мальчик попытался улыбнуться, но сил не хватило.

Князь видел это. И Вера вдруг поняла, что он смотрит на неё уже не так, как час назад. Недоверие никуда не делось. Но в нём появилась вынужденная внимательность.

Он привык командовать. Она — спасать тех, кто падает раньше, чем окружающие успевают осознать опасность. Именно поэтому их и сталкивало друг с другом с первой минуты: оба считали, что именно их решение должно быть последним.

— Ему нужен сон, — сказала Вера, поднимаясь. — И чтобы его не дёргали каждые пять минут вопросами, как он себя чувствует.

— Я не спрашивал у тебя дозволения оставаться рядом с племянником, — тихо бросил князь.

— А я не запрещаю, — ответила она. — Только молчите.

Ульяна закрыла глаза на миг, словно просила у неба терпения.

Яровит у двери едва заметно хмыкнул.

Князь посмотрел на него так, что тот тут же снова стал каменным.

— Все вон, — приказал Ратмир.

Никто не двинулся.

— Кроме неё, — добавил он, не глядя на Веру.

Это уже было почти уступкой.

Через минуту в комнате остались только они трое: князь, Вера и спящий мальчик.

Огонь в камине потрескивал тихо. За окнами мело. Белый двор словно придвинулся ближе, прислушиваясь.

— Теперь объясни, — сказал князь.

Вера не торопилась отвечать. Сняла с рук влажную ткань, отложила её в сторону, убедилась, что Мирон ровно дышит. Только потом повернулась к Ратмиру.

— Что именно?

— Почему мальчик рухнул у меня на глазах, а ты даже не удивилась.

— Потому что это было видно.

— Тебе.

— Да.

— И мне предлагается просто поверить?

Она устало посмотрела на него.

— Вам никто не предлагает “просто поверить”. Я не торговка чудесами. Я вижу ребёнка с жаром, слабостью и истощением. Вижу дом, где у людей серые лица и синие пальцы. Вижу вас, стоящего на ногах силой воли. Здесь давно всё держится не на порядке, а на упрямстве.

Ратмир медленно подошёл к окну. Остановился, опираясь ладонью о подоконник.

— Ты говоришь так, словно уже знаешь мой дом лучше меня.

— Нет. Но я знаю, как выглядит место, которое долго терпело вместо того, чтобы чинить.

Он резко обернулся.

— Ты судишь слишком смело для женщины, которую я собирался вышвырнуть за ворота.

— А вы слишком горды для человека, которому нужен тот, кто скажет правду.

Они снова сошлись взглядом.

На этот раз между ними не было ярости в чистом виде. В комнате стояло что-то другое: опасное признание взаимной силы.

— Ты действительно не похожа на ту Ярину, о которой мне писали, — сказал князь после паузы.

Вера почувствовала, как похолодели ладони.

— И какая она была?

— Мягкая. Послушная. Угодливая. С хорошими рекомендациями и плохими глазами. Женщина, которая скорее солжёт, чем рискнёт кому-то не понравиться.

— Значит, вам повезло, — сказала Вера.

Он усмехнулся. На этот раз почти по-настоящему, но улыбка вышла жёсткой.

— Не спеши радоваться. Пока я вижу лишь то, что ты умеешь приказывать в моём доме.

— Я умею замечать, когда всё валится.

— И что же ты заметила ещё?

Вера посмотрела на спящего Мирона.

— Что этот ребёнок для вас важнее, чем вы позволяете видеть окружающим. Что вам больно двигать рукой. Что Белый двор держится на женщинах, молчании и страхе. И что вы давно никому не доверяете настолько, что готовы скорее похоронить полезного человека, чем рискнуть принять помощь.

Последние слова повисли в воздухе слишком откровенно.

Ратмир не отвёл глаз.

— А что ты хочешь взамен? — спросил он.

Вот теперь разговор стал настоящим.

Не о жизни ребёнка. Не о ране. Не о гордости.

О цене.

Вера медленно выдохнула.

— Остаться.

— Этого мало.

— Мне нужно понять, что происходит в Белом дворе.

— Этого уже слишком много.

— Тогда вы останетесь с тем, что имеете сейчас.

Он подошёл ближе. настолько, что она снова почувствовала хвойный холод его одежды и жар, который он скрывал слишком плохо.

— Слушай меня внимательно, Ярина, — произнёс он негромко. — Если ты ошибёшься, пострадает не только мальчик. Если ты солгала о большем, чем имя, я сам вышвырну тебя в снег. Если попытаешься здесь командовать людьми без моего слова, я это остановлю. И если хоть один человек в этом доме решит, что ты получила надо мной власть, ты не доживёшь до весны. Поняла?

Вера выдержала взгляд.

— Да.

— И всё равно просишь оставить тебя?

— Нет, князь. — Она чуть подалась вперёд. — Я не прошу. Я говорю: без меня вы упустите то, что ещё можно удержать.

Это было дерзко. На грани. Но только так он и мог её услышать.

Ратмир долго молчал.

За это время Мирон во сне шевельнулся, что-то тихо пробормотал, и князь сразу бросил на него быстрый взгляд. Этого мгновения хватило.

Теперь Вера знала: решение Ратмира можно сдвинуть не уговорами, а тем, что касается его людей.

— До весны, — произнёс он наконец.

Она не сразу поняла.

— Что?

— Ты сказала, дом валится. Люди истощены. Мальчик болен. Я и сам это вижу. — Его голос стал жёстче. — Значит, вот тебе цена твоей первой помощи. Спасёшь не только Мирона, а весь этот проклятый дом от окончательного развала до весны — получишь Белый двор в управление.

Вера замерла.

На миг ей показалось, что она ослышалась.

— Вы... отдаёте мне дом?

— Не сейчас. И не как подарок. — Глаза его потемнели. — Как обязанность, если докажешь, что стоишь той наглости, с которой вошла сюда.

— А если нет?

— Тогда уйдёшь. Если сможешь.

В этом «если сможешь» было слишком много смыслов, и ни один не звучал успокаивающе.

Но Вера уже знала, что ответит.

— Хорошо, — сказала она.

Бровь князя едва заметно дёрнулась.

— Так просто?

— Нет. Совсем не просто. Но лучше так, чем ждать, пока ваш дом окончательно решит умереть.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд, будто проверял, не дрогнет ли она сейчас, не поймёт ли наконец, во что ввязалась.

Не дрогнула.

— Ульяна составит тебе список людей, запасов и комнат, куда тебе дозволено входить, — сказал он. — Куда не дозволено — тоже.

— И вы правда думаете, что я буду соблюдать это вслепую?

— Я думаю, — тихо ответил Ратмир, — что ты достаточно умна, чтобы не открывать двери, которые в этом доме закрыли не ради красоты.

С этими словами он повернулся к выходу.

У двери остановился, не оборачиваясь.

— Если Мирону станет хуже — будишь меня сразу. В любое время.

И вышел.

Поздно вечером Белый двор сделался ещё тише.

Не спокойнее — именно тише, будто дом не спал, а затаился.

Мирон уснул крепче после тёплого питья и долгого жара. Ульяна, к её удивлению, спорить больше не стала. Прислала чистое бельё, еду и даже сухую рубаху — простую, без лишних слов. То ли признала необходимость, то ли решила, что удобнее наблюдать за Верой, когда та жива и под рукой.

Вера сидела у узкого стола в маленькой комнате, которую ей отвели рядом с гостевой, и впервые за весь день позволила себе закрыть глаза.

Белый двор гудел в памяти голосами, скрипом половиц, тяжёлым взглядом князя, жаром детского лба. Она устала так, будто прожила здесь не один день, а месяц. Но сон не шёл. Слишком много нового. Слишком много чужого. И где-то внутри — очень знакомое ощущение: самое опасное только начинается.

В камине почти прогорели дрова. За стеной негромко шагнула служанка. Потом всё снова стихло.

Вера встала, подошла к окну и отдёрнула край шторы.

Снаружи метель утихла. Белый двор лежал под луной неподвижный, серебряный, будто высеченный из льда. Между корпусами тянулись галереи. Дальний угол двора тонул в темноте, и именно туда почему-то всё время тянуло взгляд.

Она сама не смогла бы объяснить почему.

Может, потому что там не горело ни одного окна. Может, потому что эта часть дома казалась отрезанной от остального. Может, потому что днём ей уже чудилось в самом здании что-то недосказанное — не просто запустение, а умышленно оставленный без жизни кусок.

В дверь тихо поскреблись.

Вера обернулась.

На пороге стояла та самая девушка с корзиной белья, которую она видела внизу. Молоденькая, остроносая, с испуганными глазами.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Ничего, госпожа, — поспешно сказала девушка. — Я... я рубаху принесла. И свечу.

— Спасибо. Как тебя зовут?

— Дана.

— Мирон спит?

— Да, госпожа. Ульяна сама проверяла.

Вера кивнула. Девушка переминалась с ноги на ногу, явно желая уйти и не смея.

— Что ещё? — мягче спросила Вера.

Дана подняла глаза и тут же снова опустила.

— Вы только... ночью не ходите далеко.

— Почему?

Молчание.

— Дана.

Девушка сглотнула.

— Просто не ходите, госпожа. Особенно в западное крыло.

Вера насторожилась.

— Почему именно туда?

Дана стиснула свечу так, что воск треснул под пальцами.

— После заката нельзя.

— Кто запретил?

— Все знают.

Это был не ответ. И именно поэтому он оказался ценнее любых подробностей.

— Что там? — тихо спросила Вера.

Дана попятилась.

— Я ничего не говорила. Если Ульяна узнает...

— Я не скажу.

Девушка замотала головой.

— Не в том дело, госпожа. Там двери заперты. И всё равно... иногда кажется, будто кто-то ходит.

Сказав это, она побледнела ещё сильнее, торопливо поставила свечу на стол и почти выбежала из комнаты.

Вера осталась одна.

За окном лежал лунный двор. В доме было тихо, как в больничном коридоре перед плохими новостями.

Она медленно повернулась к двери.

Западное крыло.

Нельзя после заката.

Кто-то ходит.

Разумеется, в эту минуту любой разумный человек остался бы в комнате, подбросил дров в камин и дождался утра.

Вера разумной себя не считала уже с той секунды, как открыла глаза в чужих санях.

Она взяла свечу.

И пошла к двери.

Глава 3. Хозяйка поневоле

Свеча коптила.

Пламя дрожало в узкой чашечке, бросая по стенам зыбкие тени, и от этого Белый двор ночью казался ещё старше, чем днём. Не величественным — уставшим. Так выглядят люди, которые слишком долго держали лицо, а потом остались одни и наконец позволили себе осесть.

Вера шла медленно, стараясь ставить ноги так, чтобы доски не скрипели под каждым шагом. Это было почти невозможно. Дом жил собственными звуками: где-то потрескивала балка, где-то шуршал сквозняк под дверью, где-то в толще стен тянуло воздухом так, словно огромные каменные лёгкие всё ещё пытались дышать.

Западное крыло было далеко не самым удобным местом для ночной прогулки, особенно если тебя только что предупредили туда не соваться.

И всё же Вера шла именно туда.

Не потому, что искала приключений. Наоборот — после последних суток ей больше всего хотелось запереться, лечь и хоть на несколько часов перестать принимать решения. Но опыт давно научил её простой вещи: если люди в незнакомом месте пугаются не того, что опасно, а того, о чём им велено молчать, значит, молчание здесь и есть главная опасность.

Галерея, ведущая к западной части дома, начиналась за лестницей, которой днём они не пользовались. Здесь было заметно холоднее. На полу лежал узкий дорожный ковёр, протёртый почти до нитей. У стены стояли два высоких шкафа, затянутые серыми чехлами. Окна были тёмными, и свет свечи отражался в стекле так, будто кто-то шёл рядом с ней по другую сторону.

Вера поморщилась и прибавила шаг.

Её комната, малая гостевая, покои князя и комнаты Мирона находились в живой части дома: там ещё ходили слуги, топились печи, хлопали двери, кто-то зевал за стеной, кто-то нес воду. Здесь же дом словно заканчивался раньше, чем заканчивались стены.

Первую запертую дверь она увидела почти сразу.

Толстое полотно из потемневшего дерева, старый медный замок, тёмная полоса по низу, будто в комнату годами не заглядывали. Следом — вторая. Третья. На четвертой висела связанная выцветшей лентой веточка сухой рябины.

Вера остановилась.

Суеверие? Охранный знак? Или чья-то личная память, которую так и не решились убрать?

Она поднесла свечу ближе. На дереве, почти скрытый под слоем пыли, проступал царепаный узор: тонкая линия, похожая на женскую ладонь, и рядом — надрез, будто кто-то когда-то в ярости ударил ножом и промахнулся мимо замка.

Из глубины крыла донёсся звук.

Не шаг. Не стон. Скорее лёгкий, быстрый шорох, как будто ткань скользнула по стене.

Вера замерла.

Пламя свечи вздрогнуло и вытянулось.

— Кто здесь? — негромко спросила она.

Дом, разумеется, не ответил.

Зато отозвался холод. Он словно усилился сразу, проник под рукава, коснулся шеи, как влажные пальцы. Вера не любила страшные истории и не верила в них по умолчанию. Но она прекрасно знала, что у любого пугающего места всегда есть человеческая причина. И эта мысль была куда менее утешительной, чем могла показаться.

Она пошла дальше и вскоре заметила, что одна из дверей выглядит иначе.

На ней тоже висел замок — новый, слишком новый рядом с остальным старьём. Но под дверью, среди пыли, тянулась едва заметная дорожка. Не широкая, не свежая — просто кто-то время от времени всё-таки нарушал здешний покой.

Вера опустила на корточки, поднесла свечу ближе и увидела ещё одну мелочь: у самой стены что-то блеснуло.

Это оказалась пуговица.

Маленькая, перламутровая, с едва заметной трещиной посередине. Не мужская. Тонкая, дорогая, для платья или домашней кофты. Вера осторожно подняла её и повертела в пальцах.

Пуговица не могла пролежать здесь годами. На ней почти не было пыли.

Из-за двери снова донёсся звук.

На этот раз отчётливее. Короткий. Глухой.

Будто по ту сторону что-то задела локтем.

Вера резко поднялась.

Сердце ударило под рёбрами один раз — сильно, зло. Она шагнула к двери и подёрнула за ручку. Заперто.

— Откройте, — сказала она уже жёстче.

Тишина.

Она приложила ладонь к дереву.

Холодное.

Никакого дыхания. Никаких голосов.

Только её собственное отражённое сердцебиение и слабый запах, который не вписывался в этот пыльный, вымерзший коридор.

Лаванда.

Почти выветрившаяся. Женская.

Вера медленно отняла руку.

Здесь не просто прятали пустые комнаты. Здесь что-то сохраняли. Или кого-то.

За спиной негромко скрипнула половица.

Она развернулась так резко, что пламя свечи едва не погасло.

В дальнем конце галереи стоял князь.

Он был без плаща, только в тёмной домашней одежде, и от этого казался не мягче — опаснее. Свет с её свечи не дотягивался до него полностью, оставляя половину лица в тени. Но выражение глаз Вера увидела сразу.

Не удивление.

Раздражённое, усталое подтверждение собственной правоты.

— Разумеется, — сказал Ратмир. — Ты всё-таки пошла сюда.

Вера медленно выпрямилась.

— Вы следили за мной?

— Нет. — Он подошёл ближе. — В моём доме не так много людей, способных нарушить прямой запрет в первую же ночь. Ты была самым очевидным выбором.

— Я не получала прямого запрета. Вы только намекнули.

— И ты решила проверить, достаточно ли я ясно выражаюсь.

Он остановился в нескольких шагах от неё. Даже отсюда было видно, что двигался он осторожнее, чем пытался показать. Но держался так, будто боль принадлежала не ему, а воздуху вокруг.

— Что находится за этой дверью? — спросила Вера.

— Тебе туда нельзя.

— Это не ответ.

— Для человека, который собирается пережить свою первую неделю в Белом дворе, этого ответа вполне достаточно.

Она посмотрела на него, потом на дверь.

— Кто-то здесь бывает.

— И ты решила, что это твоё дело?

— Если мне надо удержать ваш дом до весны, как вы сами сказали, то да. Всё, что в нём гниёт, становится моим делом.

В темноте что-то изменилось. Не в доме — в нём.

Слово “моим” он услышал.

И не оттолкнул.

— Ты слишком быстро примеряешь чужую власть, — сказал князь негромко.

— А вы слишком спокойно живёте рядом с закрытыми комнатами, по которым кто-то ходит ночью.

Его взгляд скользнул к её руке.

— Что это?

Вера разжала пальцы. Перламутровая пуговица лежала у неё на ладони, маленькая, хрупкая, почти нелепая на фоне тёмного коридора.

Ратмир посмотрел на неё без всякого выражения.

Слишком без всякого.

— Отдай, — сказал он.

— Почему?

— Потому что я так сказал.

— Значит, вещь важная.

Теперь он сделал ещё шаг, и свеча наконец осветила его лицо полностью. Усталость, раздражение, боль. И что-то ещё. То, что люди прячут не от чужих, а от самих себя.

— Ярина, — произнёс он тихо. — Умные люди здесь понимают, когда надо остановиться.

— А я не умная?

— Пока — живая. Не вынуждай меня пересматривать это преимущество.

Вера секунду смотрела на него, потом убрала пуговицу в рукав.

Ратмир увидел.

И на этот раз разозлился по-настоящему.

Не громко. Не ярко. Его злость была северной — холодной, плотно сжатой.

— Верни.

— Утром.

— Сейчас.

— Утром, — повторила Вера. — После того как вы объясните, почему в доме, который и так трещит по швам, есть крыло, куда нельзя смотреть даже слугам.

Он долго молчал. Потом вдруг усмехнулся — без тепла, без веселья.

— Ты не понимаешь, с чем играешь.

— Тогда объясните.

— Не сегодня.

И, к её удивлению, не стал тянуться за пуговицей силой.

Только кивнул в сторону жилой части дома.

— Возвращайся. Завтра у тебя будет достаточно поводов пожалеть, что ты осталась.

— Это угроза?

— Это Белый двор.

Он развернулся первым и пошёл к лестнице, не проверяя, идёт ли она следом.

Вера задержалась на миг у двери, за которой пахло чужой лавандой и молчанием, потом всё же задула свечу ладонью от сквозняка и пошла за князем.

Утро в Белом дворе началось раньше света.

Вера проснулась оттого, что где-то внизу спорили шёпотом — зло, торопливо, будто боялись разбудить не спящих, а власть. За окном ещё было серо-синее предрассветье. В камине давно погасло. Комната успела выстудиться так, что пальцы заныли, едва она откинула одеяло.

Первая мысль была о Мироне.

Вторая — о пуговице, спрятанной в складке рукава.

Третья — о том, что если она собирается выжить в Белом дворе, ей придётся перестать реагировать только на пожары и начать искать их причину.

Она быстро оделась, заплела волосы, выпила остывшую воду из кувшина и вышла в коридор.

У дверей гостиной дремала на стуле девушка-служанка — та самая Дана. Услышав шаги, она вздрогнула и вскочила.

— Госпожа! Я не спала, просто...

— Мирон?

— Жар ночью поднимался, но потом спал. Сейчас тише.

— Хорошо. Кто спорит внизу?

Дана замялась.

— На кухне. Ключница с поварихой. Опять из-за муки.

Вера остановилась.

— Опять?

Девушка прикусила язык слишком поздно.

— То есть... иногда.

— Иногда — это как часто?

— Почти каждую неделю, — совсем тихо призналась Дана. — Только вы не говорите, что я сказала.

Вера кивнула.

Вот и первая нитка.

На кухне было теплее, чем в коридорах, но не так тепло, как должно быть в большом доме на севере. Воздух пах дрожжами, золой, луком и недовольством. У длинного стола стояли две женщины: одна — дородная, краснолицая, с засученными рукавами, другая — сухая, быстрая, с железной связкой ключей на поясе. Ключница трясла мешочком с крупой, как уликой. Повариха стояла, уперев кулаки в бока.

Они замолчали, едва увидели Веру.

Не из уважения. Из настороженности.

— Доброе утро, — сказала Вера.

Повариха кивнула нехотя. Ключница скривила губы так, словно доброе утро было личным оскорблением.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Ничего такого, с чем не справились бы без вас, госпожа, — отрезала ключница.

— Значит, не справились.

Повариха фыркнула, пряча злорадство.

— Муки опять не хватает, — буркнула она. — И крупы меньше, чем в книге записано.

— В книге всё верно, — огрызнулась ключница. — А вот руки у кое-кого слишком щедрые.

— Да мои руки людей кормят!

— А мои считают, чтоб не остались голодными к концу месяца!

— Хватит, — сказала Вера.

Они обе замолчали, но каждая с таким выражением лица, будто именно её сейчас обидели больше всех.

Вера подошла к столу. На нём лежала раскрытая книга учёта, рядом — мешок с ржаной мукой, крупа, засохший ломоть хлеба и нож с чёрной рукоятью.

Она не стала делать вид, что моментально всё понимает.

— Кто ведёт записи?

— Ульяна проверяет, я отмечаю, — ответила ключница.

— А кто получает продукты со склада?

— Я.

— Кто выдаёт на кухню?

— Тоже я.

— Кто сверяет остатки?

Женщина молчала долю секунды.

— Ульяна.

Понятно.

Один человек принимает, выдаёт и считает. Идеальная система, если хочешь, чтобы недостача всегда была ничьей.

— Покажите кладовую, — сказала Вера.

— Без приказа князя...

— Приказ князя у меня уже есть. До весны я отвечаю за этот дом вместе с ним. Или вы хотите пойти и объяснить Ратмиру, что не можете открыть дверь с крупой?

Это было рискованно. Но ключница дрогнула.

Не из-за имени. Из-за того, что сама, видимо, не хотела идти к князю с такой мелочью.

Кладовая оказалась сухой, прохладной и почти пустой для такого большого дома. Мешки стояли вдоль стены. На некоторых были свежие заплаты. На других — новые верёвки. В углу лежали три полена, будто кто-то занёс их сюда второпях и так и забыл.

Вера медленно прошла вдоль рядов.

— Когда был последний подвоз зерна?

— В начале месяца, — сказала ключница.

— И где половина?

— Какая половина?

— Та, которой тут нет.

Женщина вспыхнула.

— Вы обвиняете меня?

— Пока — никого. Я просто смотрю.

Она присела возле одного из мешков, провела пальцами по грубой ткани и заметила мелкие светлые крупинки на полу. Не у горловины — ниже, у заплаты.

Мешок резали.

Аккуратно. Не сверху. Сбоку, внизу, чтобы можно было высыпать понемногу и потом зашить.

Вера подняла голову.

— Кто имеет ключи от кладовой?

— Я. Ульяна. Иногда старший дворник.

— Иногда — это когда?

— Когда нужно занести дрова или муку.

— Зачем в кладовую с мукой заносить дрова?

Ключница растерялась.

И этого хватило.

— Позовите Ульяну, — сказала Вера.

Домоправительница явилась быстро и сразу поняла по лицам, что разговор будет неприятным.

— Что случилось?

— У вас из дома уходит зерно, — сказала Вера.

— Это серьёзное обвинение.

— Это не обвинение. Это дыра в мешках, пустые полки и слишком нервные лица на кухне.

Ульяна резко повернулась к ключнице. Та побледнела.

— Я ничего не брала.

— Я не сказала, что брали вы, — отозвалась Вера. — Но кто-то берёт. И давно. А теперь я хочу знать, кто распоряжается топкой печей, выдачей муки и доставкой из деревень.

— Это не ваше дело.

— Уже моё.

Ульяна прищурилась.

— Вы слишком быстро поверили в слова князя.

— А вы слишком долго делали вид, будто в доме всё под контролем.

Они стояли напротив друг друга среди мешков и пустеющих полок — две женщины, привыкшие держать всё на плечах, только каждая по-своему. В Ульяне было не просто недовольство. В ней жила обида человека, которого в его собственном порядке вдруг объявили недостаточным.

— Вы пробыли здесь сутки, — сказала она тихо. — И уже решили, что умнее всех.

— Нет. Я решила, что дом тонет. А вы всё ещё спорите, кому держать ковш.

Ульяна стиснула губы.

— Печами занимается печник Авдей. Кухней — Марфа. Поставки из деревень принимает староста с нижних дворов. И прежде этого хватало.

— Прежде — это до чьей смерти? — спросила Вера, сама не ожидая, что скажет это вслух.

Тишина ударила сильнее крика.

Ключница быстро перекрестилась каким-то местным знаком и отвела глаза. Марфа, повараха, что стояла в дверях, так и застыла с полотенцем в руках. Ульяна побледнела не от страха — от ярости.

— Не смейте, — произнесла она.

Вера поняла, что попала туда, куда и хотела, и куда пока рано было лезть.

— Тогда начните говорить, — сказала она уже спокойнее. — Потому что дом, в котором люди боятся даже имени мёртвой хозяйки, всегда болен не только сыростью.

Ульяна смотрела на неё так, будто решала, не приказать ли выдворить её прямо сейчас.

Но вместо этого сказала:

— До полудня вы получите книги по запасам, список слуг и имена тех, кто отвечает за печи и поставки. А после этого, госпожа Ярина, вы пойдёте к князю и сами объясните, по какому праву устраиваете допросы в первую же ночь и утро.

— С удовольствием, — сказала Вера.

К полудню у неё уже болела голова от чужих недомолвок.

Авдей, главный по печам, оказался сухим сутулым мужчиной с обожжёнными руками и тяжёлым взглядом. Он уверял, что дров не хватает, потому что нижний лес “в этом году мокрый”, а верхний “велено беречь”. Нижний староста, вызванный со двора, уверял, что зерна прислали ровно столько, сколько велено, и даже больше, только дорогу занесло, а люди болеют, а кони слабы, а одна повозка и вовсе перевернулась в овраг.

Все говорили складно.

Слишком складно.

И все, как один, не смотрели в глаза, когда речь заходила о том, кто именно велел беречь дрова и почему в доме постоянно не хватает того, что по записям ещё есть.

Вера стояла посреди хозяйственного двора, слушала очередное объяснение и чувствовала то самое знакомое раздражение, которое накрывало её на скорой, когда родственники сначала три дня “не хотели тревожить врача”, а потом в один голос уверяли, что всё случилось внезапно.

Люди лгут редко из удовольствия. Чаще — из страха.

Вопрос был только в том, кого здесь боялись больше: князя или того, что он пока не видит.

— Дрова сюда сваливали недавно, — сказала она, посмотрев на поленницу у стены.

Авдей кивнул.

— Вчера.

— Нет. — Вера подошла ближе, тронула верхнее полено. — Эти сверху — вчера. А снизу старые, сырые, почерневшие. Вы не жжёте хорошие дрова в жилых комнатах. Почему?

— Жжём.

— Не врите.

У старосты дрогнуло лицо.

Ульяна стояла рядом и молчала, но Вера заметила, что домоправительница тоже следит за этой сценой слишком внимательно. Значит, что-то и для неё здесь не складывалось.

— Потому что часть увозят, — сказал вдруг кто-то за спиной.

Все обернулись.

У дверей, закутанный в меховой плащ поверх домашней рубахи, стоял Мирон.

Бледный, ещё слабый, но на ногах. Рядом с ним растерянно топталась Дана, явно понимая, что сейчас получит и от Веры, и от князя, и от неба.

— Мирон! — резко сказала Вера. — Ты что здесь делаешь?

Мальчик моргнул.

— Я проснулся. Вас не было. И я... хотел помочь.

Откуда-то слева послышался тяжёлый шаг.

Ратмир вышел во двор так быстро, как позволяли плечо и гордость. Лицо у него было спокойным только с виду.

— В покои, — сказал он племяннику.

Мирон упрямо вскинул подбородок — маленькая, слабая, но уже узнаваемая копия князя.

— Я только сказал правду.

— В покои, — повторил Ратмир.

— Но дрова правда увозят, — произнёс мальчик тише. — Ночью. Я слышал. И видел через окно. Они едут не к деревням.

Во дворе стало совсем тихо.

Авдей побледнел. Староста сразу принял оскорблённый вид человека, которого только что оболгали.

— Ребёнку почудилось, князь, — заговорил он. — Он болен, ему...

— Достаточно, — сказал Ратмир.

Сказал негромко.

И именно поэтому никто больше не рискнул шевельнуться.

Вера перевела взгляд с одного лица на другое. Теперь уже не только она видела, что в доме что-то воруют или выводят в обход. Теперь это прозвучало при князе.

Ратмир обвёл всех тяжёлым взглядом.

— До вечера проверяют склады, конюшни и оба въезда, — произнёс он. — И если выяснится, что из Белого двора вывозят то, чего здесь и так недостаёт, виновные сами пожалеют, что не замёрзли по дороге.

Староста низко поклонился. Слишком низко. Авдей уставился в землю.

Мирон слегка качнулся от слабости, и Вера уже шагнула к нему, но князь оказался быстрее. Подхватил мальчика здоровой рукой под локоть, придержал, не давая упасть.

На один короткий миг Вера увидела их так, как не должен был видеть никто посторонний: усталый мужчина, который привык быть стеной, и ребёнок, упрямо старающийся не быть слабым.

Ратмир поднял глаза на Веру.

— Довольна? — спросил он тихо.

— Нет, — ответила она. — Пока у меня только начало.

И, к её удивлению, он не вспыхнул.

— Тогда приходи в малую залу через час, — сказал князь. — Будем смотреть книги и слушать твоё “начало” до конца.

Это уже звучало почти как признание права.

К вечеру Вера успела больше, чем рассчитывала.

Повариха Марфа, поворчав и повздыхав, всё-таки признала, что новый порядок выдачи продуктов будет удобнее, если каждый день записывать, сколько ушло на кухню и сколько осталось, а не ждать недельной ругани. Дана с ещё двумя девушками перетасили в малую гостевую всё, что можно было превратить в подобие лекарской: чистые полотна, таз, горячую воду, полки, короб с травами, который нашёлся у старой прачки. Авдей, оскорблённый до глубины души, но напуганный ещё сильнее, пообещал протопить жилые комнаты как следует и к утру прислать людей для осмотра заслонок.

Ульяна наблюдала за всем с тем выражением лица, с каким человек смотрит на соседа, внезапно взявшегося перестраивать общую стену.

— Вы не можете переделать весь дом за день, — сказала она под вечер.

— Я и не собираюсь, — ответила Вера. — Я собираюсь, чтобы утром люди не просыпались в ледяных комнатах и не ввали мне хором, будто так и должно быть.

— Они врут не вам.

— Знаю.

Ульяна поджала губы.

— И всё равно лезете.

— А вы всё равно молчите.

Домоправительница долго смотрела на неё. Потом вдруг сказала:

— Вы думаете, я не видела, как всё меняется? Видела. Думаете, не считала мешки? Считала. Не проверяла печи? Проверяла. Но в Белом дворе мало одного знания. Здесь нужно, чтобы тебя ещё и слушали.

Вера чуть склонила голову.

— Так помогите мне сделать так, чтобы слушали.

Ульяна резко отвела взгляд, будто это предложение было опаснее ссоры.

— Я помогу дому, — сухо ответила она. — Не вам.

— Меня это устраивает.

Впервые за день Вера увидела в её лице не враждебность, а трещину в ней.

Небольшую. Но настоящую.

Когда окончательно стемнело, Белый двор снова стал чужим.

Дневная суэта, пусть и сдержанная, хотя бы делала его понятным: здесь спорят, там носят воду, здесь кашляет ребёнок, там ворчат женщины на кухне. Ночью же дом будто вспоминал о том, что камень умеет хранить не только тепло, но и память.

Вера дождалась, пока в её комнате стихнут последние шаги за дверью, и вынула из рукава перламутровую пуговицу.

Днём ей не удалось ни с кем осторожно поговорить о прежней хозяйке. Стоило произнести хотя бы намёк, люди замыкались. Но одно она всё-таки узнала: в Белом дворе когда-то

жила женщина, которую “не уберегли”. Формулировка у всех была разная, а смысл — один и тот же. Слишком гладкий. Слишком приготовленный заранее.

Значит, ночью придётся вернуться туда, где слова заканчиваются и остаются вещи.

Она снова взяла свечу.

На этот раз дорога к западному крылу далась легче: дом уже не казался незнакомым целиком, только опасным местами. У двери с новым замком было тихо. Пыль лежала нетронутой. Лаванда едва ощущалась.

Вера опустилась на колени и провела свечой вдоль порога.

Там, где вчера она заметила дорожку, теперь виделось больше. Кто-то не просто подходил к двери. Кто-то таскал отсюда или сюда что-то лёгкое и длинное — по полу тянулась тонкая смазанная борозда.

Она поднесла пламя ещё ближе и вдруг увидела за наличником, у самого пола, крохотный кусочек ткани.

Очень осторожно подцепила его ногтем.

Шёлк.

Светлый, с вышивкой серебряной нитью.

Не тряпка служанки. Не занавесь. Кусок дорогого женского платья, зажатый дверью так, словно ткань порвали в спешке.

Вера выпрямилась.

Потом подняла свечу выше и заметила ещё кое-что.

На косяке, чуть ниже уровня человеческого плеча, тянулась тёмная полоса. Старая, почти сошедшая, но заметная, если знать, куда смотреть.

Не копоть. Не вино. Не сырость.

Что-то, что когда-то стекало вниз узкой струйкой, а потом его пытались оттереть.

У неё по спине прошёл холод.

Дом мог хранить что угодно. Но такие следы не оставляют истории о женщине, которая спокойно умерла в постели и была оплакана по всем правилам.

Вера медленно выдохнула.

За этой дверью не было призрака.

Здесь была чья-то ложь.

И, прежде чем она успела обдумать следующую мысль, из темноты за её спиной раздался голос Ратмира:

— Я ведь предупреждал, что некоторые двери в этом доме лучше не открывать.

На этот раз Вера не вздрогнула.

Только сжала в ладони кусочек шёлка и, не оборачиваясь, сказала:

— Поздно, князь. Кажется, одна из них уже открылась сама.

Глава 4. Северный князь не просит

Ратмир не обернулся сразу.

Он стоял в полутьме, и пламя её свечи рисовало на каменном полу две вытянутые тени — его и Веры, почти соприкасающиеся, но всё ещё чужие. В этом было что-то слишком точное для Белого двора: каждый шаг навстречу здесь словно заранее обещал цену.

— Поздно, князь. Кажется, одна из них уже открылась сама, — сказала Вера.

Только тогда он повернул голову.

Лицо осталось почти неподвижным, но она уже научилась различать в его тишине оттенки. Сейчас там было не просто раздражение. Усталость. Злость. И что-то ещё, куда более опасное — усталое знание человека, который увидел, как исполнилось ровно то, чего он боялся.

— Ты считаешь это победой? — спросил он.

— Я считаю это следом.

Она раскрыла ладонь, в которой лежал кусочек светлого шёлка. Потом коснулась пальцами косяка.

— И ещё одним следом. Этого достаточно, чтобы понять: здесь мне ввали.

Ратмир подошёл ближе.

Слишком близко.

Свеча осветила его лицо, резкую линию скул, тень под глазами, жёстко сжатый рот. Вблизи усталость была заметнее, чем при дневном свете. И жар, который он всё это время прятал, никуда не исчез — от него даже морозный воздух коридора казался суше.

— В Белом дворе тебе будут врать ещё много раз, — произнёс он негромко. — Если начнёшь бросаться на каждый шёпот, долго не протянешь.

— Это не шёпот. Это кровь, которую пытались стереть.

Его взгляд скользнул к тёмной полосе на косяке. На миг — долю мгновения — в нём мелькнуло что-то слишком личное.

Потом исчезло.

— Ты плохо понимаешь, где находишься, Ярина.

— Тогда объясните.

— Нет.

Он сказал это не резко, не громко. Как человек, который уже проходил этот разговор много раз и каждый раз терял от него больше, чем позволял заметить.

Вера сжала шёлк в пальцах.

— В доме заперто крыло. По ночам там кто-то бывает. Под дверью свежий след. На косяке то, что похоже на старую кровь. И вы хотите, чтобы я сделала вид, будто это просто дурная память?

— Я хочу, чтобы ты осталась жива.

Эти слова ударили неожиданно.

Не содержанием. Тонем.

В них не было тепла, не было нежности, даже заботы в привычном смысле не было. Но была правда, вырвавшаяся раньше, чем он успел её спрятать.

Они оба это услышали.

Вера прищурилась.

— Значит, всё-таки можете говорить прямо.

На этот раз он усмехнулся. Жёстко, устало.

— Не привыкать же к чудесам. Одной попаданки моему дому уже достаточно.

Она вздрогнула бы, если бы не удержала лицо.

Он сказал это так, будто просто бросил тёмную насмешку. Будто проверял. Будто видел в ней нечто, что давно перестало совпадать с присланной в Белый двор женщиной.

Вера ответила не сразу.

— Если вы понимаете, что я не та, кого вам обещали, тем более не стоит держать меня в неведении.

— Наоборот. — Он подошёл ещё ближе и забрал у неё свечу. Спокойно, без спешки, так, будто сам решал, сколько света ей полагается. — Именно поэтому и стоит.

Теперь его лицо было освещено снизу, и от этого он казался ещё жёстче. Белый двор лепил своих людей из камня и холода, но в Ратмире эта лепка вышла особенно удачной.

— Послушайте меня внимательно, — сказал он. — Есть вещи, которые держатся только потому, что о них не говорят. Есть комнаты, где воздух лучше не тревожить. Есть имена, которые Белый двор слышит слишком хорошо. И если ты решила, что можешь войти сюда, развернуть все старые двери и выйти невредимой, ты ошиблась домом.

— А если я уже вошла?

Он посмотрел на неё долго.

Слишком долго для простого ответа.

— Тогда не привязывайся, — произнёс Ратмир почти шёпотом. — Ни к людям. Ни к комнатам. Ни к правде, которую тебе здесь захочется спасти.

Вот теперь Вера услышала главное.

Не запрет.

Страх.

Он был запрятан глубоко, под слоями воли, привычки командовать и северной сдержанности, но всё же был. Страх человека, который уже терял слишком многих и теперь предпочитал выглядеть бессердечным, лишь бы никого не подпускать к тому месту, где ещё оставалась боль.

— Это не про дом, — тихо сказала она. — Это про вас.

Лицо его стало неподвижным.

— Ты ничего обо мне не знаешь.

— Уже знаю достаточно. Мирон падает в обморок, а вы забываете о собственной ране. Люди в доме боятся вас меньше, чем какой-то давней истории. Вы сами стережёте запертое крыло, хотя делаете вид, будто вам до него нет дела. И сейчас вы не угрожаете мне. Вы пытаетесь оттолкнуть.

Свеча в его руке едва дрогнула.

— Иногда это одно и то же.

— Нет, — сказала Вера. — Когда человек хочет напугать, он давит. Когда хочет уберечь — он врёт, что ему всё равно.

Слова повисли между ними.

Где-то в глубине дома скрипнула дверь. По окнам галереи прошёл порыв ветра. Белый двор слушал.

Ратмир смотрел на неё так, будто стоял на самом краю чего-то, куда не собирался возвращаться.

— Моя мать умерла в этом доме, — сказал он вдруг.

Вера не шевельнулась.

Он отвёл взгляд в сторону тёмного крыла.

— Потом брат. Потом женщина, которую здесь называли хозяйкой. Каждый раз мне говорили одно и то же: не вини себя, Север забирает своё. А потом я понял простую вещь. Белый двор не любит тех, кого я пытаюсь удержать.

В его голосе не было надрыва. Только страшная, выжженная сухость человека, повторявшего эти слова внутри себя достаточно часто, чтобы они стали правилом.

— Это суеверие, — сказала Вера. Но уже не так уверенно, как прозвучало бы ещё день назад.

— Ты так думаешь?

— Я думаю, кто-то очень хотел, чтобы вы в это поверили.

Он перевёл на неё взгляд.

— И что от этого меняется?

— Всё. Если вас убедили, что любое чувство заканчивается смертью, вами легче управлять.

На этот раз его молчание длилось дольше.

Потом он вернул ей свечу.

— Иди спать, Ярина.

— Нет.

Его брови едва заметно сошлись.

— Ты плохо слышала?

— Я хорошо слышала. Но вы едва стоите на ногах, и если я уйду сейчас, то утром у меня будет не один больной ребёнок, а два упрянца, один хуже другого.

Он улыбнулся — коротко, зло, без радости.

— Северный князь не просит помощи.

— Знаю. Поэтому придётся брать её без спроса.

Она ожидала вспышки. Приказа. Резкого шага вперёд. Но Ратмир лишь устало закрыл глаза на мгновение, словно разговор с ней отнимал больше сил, чем любая перебранка со старостами.

Когда он снова открыл их, в них стояла ледяная решимость.

— Не надо делать из меня человека, которого можно спасти, — сказал он. — Белый двор потом спросит цену с тебя.

— Пусть сперва попробует.

— Ты смелая.

— Нет, — Вера покачала головой. — Просто я слишком хорошо знаю, что бывает, когда опасность называют судьбой и перестают ей сопротивляться.

Он хотел ответить, но не успел.

На миг по его лицу прошла тень — не эмоция, а боль. Настоящая, физическая. Левое плечо дёрнулось едва заметно, пальцы сжались на свече, и Вера сразу увидела то, чего в темноте не замечала раньше: край тёмной ткани у рукава был влажным.

Кровь.

Совсем немного. Но свежая.

— Вы опять сорвали повязку, — сказала она.

— Это не твоё дело.

— Уже моё.

— Я устал от этой фразы.

— А я — от того, что вы всерьёз считаете молчание лечением.

Он шагнул было в сторону лестницы, но на этот раз движение вышло слишком резким. Мир качнулся не только для него — даже Вера увидела, как он на долю секунды потерял равновесие.

Этого хватило.

Она поставила свечу на подоконник и подхватила его под здоровую руку раньше, чем он успел оттолкнуть её.

Жар ударил ей в ладонь.

Не тёплая кожа человека, который просто устал. Горячая, сухая, тяжёлая.

Ратмир дёрнулся.

— Убери руки.

— Перестаньте вести себя так, будто умереть стоя — это подвиг.

— Для Севера — иногда да.

— А для Мирона?

Он замер.

Удар попал точно. Вера почти увидела, как внутри него сомкнулись зубья какой-то старой, привычной защиты.

— Не смей впутывать его, — сказал князь.

— Тогда дайте мне помочь вам. Иначе завтра он увидит вас таким же, каким вы боялись увидеть его вчера.

Несколько секунд он молчал.

Потом очень тихо, почти сквозь зубы, произнёс:

— Малый кабинет. Внизу.

Это было не согласием. Но и не отказом.

Вера молча подняла свечу. Он сам двинулся первым, не позволяя себя вести, но уже и не пытаясь выгнать её прочь. Они шли по тёмным переходам молча. Стук шагов, дрожь огня, сухой холод камня — всё в этой дороге было таким, словно дом тоже знал: сейчас произойдёт нечто, чего один из них давно избегал.

Малый кабинет оказался узкой комнатой рядом с библиотекой. Здесь было теплее, чем в галерее, и куда тише. На столе лежали бумаги, запечатанная карта и нож для вскрытия писем. У стены стоял шкаф, на крышке которого кто-то оставил глиняную чашу с почти выгоревшей смолой.

Ратмир остановился у стола.

— Делай быстро, — сказал он.

— Сначала сядьте.

— Я могу стоять.

— А я могу позвать Ульяну и Яровита, чтобы они посмотрели, как их князь падает на пол от собственного упрямства.

Он медленно сел.

Это была маленькая победа, но почему-то именно от неё у Веры вдруг сбилось дыхание. Она слишком ясно почувствовала: этот человек не привык уступать никому. Ни слугам. Ни обстоятельствам. Ни боли. И всё-таки сейчас он сидел перед ней, разрешая то, чего не просил.

— Воды, — сказала она. — И чистое полотно должно быть здесь.

— В шкафу.

Она быстро нашла кувшин, миску, перевязь, горшочек с густо пахнущей мазью и полосы ткани. Всё лежало не как у беспомощного больного, а как у человека, который много раз сам приводил себя в порядок и никого не подпускал ближе.

Это тоже было ответом.

— Часто так делаете? — спросила она, разворачивая полотно.

— Что именно?

— Лечите себя в одиночку.

— Достаточно часто, чтобы не нуждаться в советах.

— Это не совет. Это диагноз вашему характеру.

Он коротко усмехнулся, но тут же поморщился — видно, даже эта усмешка отозвалась болью.

Вера подошла ближе.

— Рукав снимайте сами, — сказала она. — Я не собираюсь драться с вами ещё и за пуговицы.

На этот раз почти улыбка мелькнула у него в глазах. Почти.

Он развязал застёжку у ворота, потом медленно, сдерживая дыхание, стянул тёмную ткань с левого плеча.

Вера уже готовилась увидеть воспалённую рану — глубокую, запущенную, с разошедшимися краями. Прикидывала, чем промыть, как снова перевязать, как заставить его хотя бы день не рваться на весь двор.

Но когда старая повязка отошла, она застыла.

Сама рана была не такой, какой должна была быть у человека с таким жаром. Края не гноились. Кожа не выглядела обычным образом воспалённой. Там было другое.

От места, где плоть когда-то пробили или рассекли, под кожей расходились тонкие тёмные линии.

Не вены.

Не синяки.

Они были слишком ровными, слишком чёткими, будто кто-то выжег под его кожей узор из чёрных ветвей. Линии уходили к груди, к шее, к спине — как корни, пробивающиеся сквозь лёд.

Вера не сразу поняла, что перестала дышать.

— Что? — спросил Ратмир.

Она подняла глаза на него, потом снова на плечо.

Теперь всё вставало на место слишком быстро: жар, который то поднимался, то спадал; рана, не ведущая себя как обычная; полынь и жжёный лён, которыми её пытались заглушить; его упрямое убеждение, что Белый двор губит близких.

Это была не просто незаживающая рана.

Не обычная болезнь.

— Вам говорили, что это заражение? — тихо спросила Вера.

— Мне говорили разное.

— А вы?

— Я давно перестал верить словам.

Она протянула руку, не касаясь кожи, остановилась в волоске от тёмных линий. Даже отсюда от них тянуло каким-то сухим, леденящим жаром — как будто боль была не в плоти, а глубже.

— Нет, — прошептала она. — Это не заражение.

Ратмир чуть повернул голову.

— Тогда что?

Вера медленно подняла взгляд.

Теперь она уже знала, что видит.

И от этого знание стало страшнее.

— Родовая метка, — сказала она.

В комнате стало тихо так, будто даже огонь в жаровне перестал дышать.

Глава 5. Те, кто держит Белый двор

В малом кабинете стало так тихо, что Вера слышала не только потрескивание углей в жаровне, но и собственный пульс.

Ратмир не шевельнулся.

Не отпрянул, не спросил резко, откуда она знает такие слова, не приказал замолчать. Он просто сидел, чуть развернувшись к свету, и смотрел на неё с той неподвижностью, которая всегда была у него опаснее любой вспышки.

— Повтори, — произнёс он наконец.

Голос звучал ровно. Даже слишком ровно.

Вера медленно выдохнула.

— Родовая метка.

Он отвёл взгляд на своё плечо, будто видел его впервые не как источник боли, а как чужую вещь, от которой невозможно избавиться.

— Этого не может быть, — сказал он.

— Почему?

— Потому что такие метки не просыпаются без причины.

— Значит, причина была.

Ратмир резко поднял голову.

— Ты говоришь о том, чего не понимаешь.

— Возможно, — спокойно ответила Вера. — Но я точно понимаю другое: это не обычная рана. И если вас лечили как обычного раненого, потому она и не заживает.

Он встал.

Слишком быстро для человека с таким жаром.

Вера машинально шагнула вперёд, готовая снова удержать его, но он уже натянул рубаху на плечо одной рукой и принялся завязывать ворот. Движения были точными, жёсткими, будто одежда возвращала ему привычную защиту.

— Об этой ночи никто не узнает, — сказал он.

— Если о ней не узнают, вам это не поможет.

— Мне не нужна помощь.

— Неправда.

Он посмотрел на неё так, что другой человек отступил бы на шаг. Вера не отступила.

— Северный князь не просит, — негромко произнёс Ратмир. — И уж точно не станет бегать по двору, рассказывая каждому, что у него на плече старое проклятие рода.

— Я не предлагаю вам бегать, — сказала Вера. — Я предлагаю перестать делать вид, что вы из железа.

На миг показалось, что он снова сейчас закроется, оттолкнёт её одним взглядом и выставит за дверь вместе со всеми её выводами.

Но вместо этого Ратмир подошёл к столу, опёрся ладонью о край и сказал, не глядя на неё:

— В моём роду было правило. Никому не говорить о знаке, если он проснулся. Ни детям. Ни женщинам. Ни людям двора. Потому что за ним всегда шло одно и то же.

— Что именно?

Он усмехнулся — коротко и безрадостно.

— Похороны.

Слова упали в комнату тяжело.

Вера молчала.

Теперь многое становилось яснее: почему он так яростно не подпускал никого близко, почему жил будто на краю пропасти и сам себя удерживал только долгом, почему так легко поверил, что Белый двор губит всех, кого он пытается спасти.

— И вы правда решили, что если будете стоять в одиночку, это кого-то убережёт? — тихо спросила она.

— До сих пор срабатывало хуже, чем мне хотелось. Но лучше, чем доверие.

Вера чуть качнула головой.

— Нет. Это не защита. Это отсрочка.

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Ты всегда говоришь так, будто тебе обязательно нужно победить?

— Нет. Только когда вижу, что человек упрямо помогает беде.

Ратмир задержал на ней взгляд.

Потом вдруг спросил:

— Что тебе нужно?

Вера не сразу поняла.

— Чтобы разобраться в этом, — уточнил он. — Говори.

— Все книги о вашем роде. Всё, что связано со старой хозяйкой Белого двора. Любые записи о таких метках. И человек, который знает местные старые обычаи не по слухам, а изнутри.

— Старухи в деревнях любят знать всё подряд. Это ещё не делает их мудрыми.

— Иногда делает, — ответила Вера. — Особенно если ваши “умные” люди три дня лечили вас тем, что не помогло.

Уголок его рта дёрнулся.

— Ты невозможна.

— Зато полезна.

— Это ещё не доказано.

— Тогда дайте мне шанс.

Он посмотрел на неё так долго, что она уже была готова услышать отказ.

— Утром, — сказал Ратмир. — Ульяна даст тебе книги из нижнего шкафа библиотеки. А потом ты сама поедешь в нижнюю деревню. Там живёт одна старая знахарка. Если она ещё не выгнала всех людей со двора камнями, может, и с тобой поговорит.

— А вы?

— А я, — ответил он сухо, — останусь здесь и сделаю вид, будто не выпускал тебя разносить мои тайны по округе.

— Значит, всё-таки выпускаете.

— Не обольщайся. Я просто хочу знать, ошиблась ты или нет.

Это было почти доверием. Настолько почти, что Вера не стала давить дальше.

— Хорошо, — сказала она.

Когда она уже повернулась к двери, Ратмир произнёс ей в спину:

— И ещё.

Она обернулась.

— О западном крыле пока молчи. Если там осталась старая грязь, я сам решу, когда её поднимать.

— А если её поднимут раньше вас?

Он на мгновение прикрыл глаза. Усталость снова проступила так явно, что ей захотелось подойти и силой усадить его обратно.

— Тогда Белый двор сделает то, что умеет лучше всего, — сказал он. — Ударит по самому больному месту.

Утро выдалось серым, как остывшая зола.

Снег не шёл, но небо давило низко, будто собиралось лечь на крыши Белого двора тяжёлым мокрым полотном. Воздух был резким. На каменных ступенях намерз тонкий лёд, и слуги шли по нему так осторожно, словно боялись не поскользнуться, а лишний раз привлечь к себе внимание.

Вера спустилась вниз ещё до первого общего завтрака.

Ульяна уже ждала её в галерее у библиотеки — прямая, сухая, собранная так, будто не спала вовсе.

— Князь велел выдать вам книги, — сказала она вместо приветствия. — И лошадь до нижней деревни.

— Значит, всё-таки велел.

— Не делайте вид, будто вас это удивляет.

Вера посмотрела на неё внимательнее.

— Вас тоже не удивляет.

Ульяна чуть поджала губы.

— Меня давно перестало что-либо удивлять в этом доме, госпожа Ярина. Но иногда я всё ещё надеюсь, что ошибаюсь.

Это была самая честная фраза, которую домоправительница сказала ей за всё время.

Ульяна открыла нижний шкаф библиотеки своим длинным ключом. Внутри, вместо ровных рядов ухоженных томов, лежали книги, обёрнутые в холст, связки старых бумаг и деревянный ларец с выцветшим резным знаком.

— Это всё о роде князя? — спросила Вера.

— Всё, что не сожгли.

Она резко подняла глаза.

— Кто?

Ульяна уже закрывала дверцу.

— В Белом дворе иногда многое пропадает само, — сухо ответила она. — Вы ведь уже заметили.

И ушла прежде, чем Вера успела задать новый вопрос.

Вера взяла верхнюю книгу, раскрыла наугад — и тут же поняла, что сейчас от чтения будет больше путаницы, чем пользы. Полустёртые имена, старый почерк, описания обрядов, родовых союзов и зимних клятв. Это требовало времени.

А ей сейчас нужны были люди.

Не легенды о Севере, а те, кто ещё дышал в этом доме и держал его на себе.

Она захлопнула книгу, вернула её в шкаф и пошла не в свою комнату, а к кухням.

На кухне пахло тестом, дымом и чем-то сладким — слишком слабым, чтобы накормить весь дом, но достаточно сильным, чтобы кто-то всё-таки пытался сделать утро похожим на утро, а не на ещё один бой.

Марфа, повариха, стояла у стола, как полководец у карты. Перед ней были миски с мукой, горшочек с остатками мёда и девочка лет двенадцати, чьи косы торчали в разные стороны из-под косынки, а нос был перепачкан мукой.

— Нюшка! — рявкнула Марфа. — Я сказала, не трогай противень голыми руками!

Девочка ойкнула, отдернула пальцы и прижала их к груди.

Вера оказалась рядом быстрее, чем Марфа успела снова выругаться.

— Дай посмотреть.

Нюшка вскинула на неё огромные испуганные глаза.

— Ничего, госпожа, я привычная...

— Вот это как раз хуже всего, — сказала Вера.

Ожог был несильный, но болезненный. Вера велела подать холодную воду, потом чистую тряпицу, и, пока девочка морщилась и сопела, аккуратно охладила кожу.

Марфа наблюдала, сложив руки на груди.

— У нас на кухне ожоги не считают бедой, — проворчала она.

— А зря, — ответила Вера. — На кухне руки важнее красивых слов.

Нюшка хихикнула, тут же испугалась и замолчала.

— Как зовут? — спросила Вера.

— Анися. Но все Нюшкой зовут.

— И давно ты здесь?

— С весны, госпожа. Меня тётка к Марфе отдала, чтоб я в доме училась.

— Учишься?

Нюшка расправила плечи так важно, будто ей уже доверили половину княжеского пира.

— Я тесто умею ставить. И печи угадывать. И яблоки резать тонко. И, если Марфа не видит, пирожки ровнее у меня получаются.

— Я всё вижу, — буркнула Марфа, но на этот раз без злости.

Вера улыбнулась.

Вот оно. Обычная девчонка с обожжёнными пальцами, огромным старанием и слишком ранним желанием быть полезной. Не фон. Не служанка в углу. Человек, за которого уже хочется заступиться.

— Сегодня ты не трогаешь горячее, — сказала Вера.

— Но...

— Сегодня. Не спорь.

Нюшка поджала губы, но кивнула.

— Тогда я могу с Даной к хлебам пойти, — решительно объявила она. — И ещё я знаю, где лучше сушить травы, чтобы кошки не лезли.

— Вот и пойдёшь, — сказала Вера. — А потом покажешь мне это место.

Марфа неожиданно хмыкнула.

— Командуете, как будто уже лет десять хозяйка.

— Нет, — отозвалась Вера. — Хозяйка сначала слушает, на чём держится кухня. Сколько у вас людей?

Марфа перестала усмехаться и ответила уже по делу.

Через несколько минут у Веры был список: кто месит тесто, кто носит воду, кто убегает реветь при каждом окрике, кто ворует сало, а кто способен тащить на себе половину кухни и делать вид, что ему не тяжело.

Когда она уходила, Нюшка догнала её у двери.

— Госпожа, — шепнула девочка, — а вы в конюшню пойдёте?

— Пойду.

— Тогда посмотрите на Савву. Он всё знает. Только не говорит.

— Немой?

Нюшка серьёзно кивнула.

— Но умный. И лошади его любят сильнее людей.

Конюшня встретила её теплом, паром и тяжёлым запахом лошадей.

После каменных коридоров Белого двора это место показалось почти живым. Здесь дышали. Здесь ворчали. Здесь переступали копытами и фыркали так, будто жизнь ещё имела вес и тепло.

У дальнего стойла стоял мужчина лет сорока — высокий, плечистый, с седыми прядями в тёмных волосах. Он чистил серую кобылу медленно и тщательно, как будто ни одно другое дело в мире не могло быть сейчас важнее. Когда Вера подошла, он обернулся.

Лицо у него было спокойное. Глаза — внимательные. И шрам тянулся от подбородка к горлу, неровный, старый, такой, после которого голос иногда больше не возвращается.

— Савва? — спросила Вера.

Он коротко кивнул.

— Нюшка сказала, вы всё знаете.

Савва выгнул бровь, будто отношение к Нюшкиной болтовне у него было давно определённое.

Вера подошла ближе.

— Мне нужно понять, кто и когда вывозил дрова и зерно со двора. Мирон видел повозки. Кто-то ещё должен был видеть следы.

Савва выслушал, потом поставил щётку, взял с крюка обрывок угля и молча черкнул на доске стояла несколько линий.

Одна — от амбара.

Другая — к боковым воротам.

Третья — не в сторону деревни, а вдоль западной стены двора.

Вера нахмурилась.

— Не наружу?

Он покачал головой.

Потом быстро добавил ещё две отметки — маленькую фигуру человека на смотровой галерее и вторую у ворот.

— Двое? — тихо спросила она.

Савва кивнул.

— Из своих?

Он посмотрел ей прямо в глаза и медленно, очень отчётливо, кивнул ещё раз.

По спине у Веры пробежал холод, хотя в конюшне было теплее, чем где-либо в доме.

— Почему вы не сказали князю?

Савва сжал губы в тонкую линию, потом поднял руку и показал два пальца: сначала на свои губы, потом — вниз, к полу.

Немой. И не тот человек, которого кто-то привык спрашивать.

Вера поняла сразу и ощутила раздражение — не на него, а на мир, который так легко перестаёт слушать тех, кто не умеет говорить вслух.

— Теперь я спрашиваю, — сказала она. — И буду спрашивать ещё.

Савва долго смотрел на неё, потом вдруг протянул руку к соседнему стойлу и снял с гвоздя старую подкову. На внутренней стороне было выцарапано маленькое кривое солнце.

Он положил её ей на ладонь.

— Что это?

Савва постучал по доске, где были нарисованы боковые ворота. Потом — по подкове. Потом — по западной стене.

Клеймо.

Повозка, которая ездила ночью, была из княжьего двора. Не чужая.

Когда Вера подняла глаза, он уже снова взялся за щётку, будто всё, что хотел сказать, сказал.

— Спасибо, Савва, — тихо сказала она.

Он не обернулся, но чуть склонил голову.

Из конюшни Вера вышла уже с настоящим ощущением, что Белый двор можно не только жалеть, но и собирать заново — по людям, по их упрямству, по маленьким полезным рукам, по молчаливой верности, по детской храбрости, по злему поварскому сердцу.

У лестницы на внутренний двор её окликнули:

— Госпожа Ярина.

Она обернулась.

На ступенях стоял молодой дружинник. Лет двадцати пяти, не больше. Высокий, русо-волосый, с открытым лбом и тем видом собранности, который у хороших воинов сочетается с редкой ещё неубитой честностью.

— Вы?

— Ладимир, — представился он. — Князь велел сопровождать вас в нижнюю деревню. И чтобы вы не спорили.

Вера посмотрела на него долгим взглядом.

— Он правда так и сказал?

Ладимир едва заметно улыбнулся.

— Нет. Но смысл был близкий.

— Значит, у вас тоже язык живёт быстрее страха.

— Только иногда, госпожа.

— А обычно?

— Обычно я люблю голову на плечах.

Это было сказано просто, и Вера сразу ему поверила. Не потому, что он выглядел добрым. Потому, что такие люди всегда успевают посмеяться над собой раньше, чем начинают изображать нестигаемость.

— Тогда пойдёмте, — сказала она. — По дороге расскажете, кто в дворе последний год пришёл новым.

Ладимир чуть посерьёзnel.

— Вы и это уже заметили?

— Я много чего уже заметила.

Они шли через внутренний двор к боковым воротам, и по дороге Ладимир говорил — сначала осторожно, потом всё свободнее. Кто из дружинников служит роду давно, кто пришёл после прошлой зимы, кто держится за жалованье, а кто — за князя. Он не сплетничал, не доносил. Просто раскладывал людей по местам, как человек, который хочет, чтобы у дома снова появился порядок.

Именно с такими людьми всё и держится, подумала Вера.

На полдороге им навстречу вышел Мирон — уже в тёплой шубке, в шапке, слишком большой для его узких плеч, и с деревянным коньком в руке. Рядом, на шаг позади, шла Дана.

— Куда вы? — спросил мальчик.

— В нижнюю деревню, — ответила Вера. — За умной старухой, которая, надеюсь, не станет бить меня метлой.

Мирон улыбнулся впервые по-настоящему за эти дни.

— Ведана бьёт только тех, кто врёт.

— Тогда мне повезло.

Мальчик посмотрел на Ладимира, потом снова на неё.

— А привезёте мне обратно рассказ? Не травы. Не кашу. Рассказ.

Вера моргнула.

— Какой именно?

— Любой. Только не грустный.

У неё сжалось что-то в груди.

— Привезу, — пообещала она.

И вдруг увидела, как из галереи второго этажа на них смотрит Ратмир.

Он стоял в полутени между колонн, опираясь на перила здоровой рукой. Лицо издали казалось таким же холодным, как прежде, но взгляд уже не был тем взглядом, которым он встретил её в первый день. Сейчас в нём было другое. Осторожная, почти недобровольная наблюдательность человека, который слишком долго не верил ничему живому, а теперь вдруг вынужден смотреть.

Мирон тоже увидел дядю и сразу вскинул деревянного коня.

— Я не мёрзну! — крикнул он.

Ратмир не ответил. Только едва заметно кивнул.

И почему-то этого короткого кивка оказалось достаточно, чтобы весь ледяной двор на секунду стал человечнее.

Ведана жила не в самой деревне, а чуть в стороне — в низком доме под еловым склоном, где ветер обтёсывал крышу годами, но так и не победил.

Ей было трудно дать возраст. Лицо — в морщинах, как сушёное яблоко. Спина — прямая. Глаза — острые и совсем не старческие. Она открыла дверь раньше, чем Ладимир успел постучать как следует.

— Если князь опять хочет, чтобы я лечила его людей мёдом и терпением, пусть сам идёт в прорубь, — заявила она с порога.

Потом увидела Веру.

Прищурилась.

— А это кто?

— Та, кто не любит терпение как лекарство, — ответила Вера.

Ведана молчала секунду, потом вдруг хмыкнула:

— Тогда заходи.

У неё в доме пахло сушёными травами, берестой, молоком и снегом, который впускали вместе с людьми. На полках стояли глиняные сосуды, пучки трав висели под потолком, а у печи дремал огромный серый кот с таким выражением морды, будто ему давно надоели все человеческие болезни.

Разговор вышел коротким и странно тяжёлым.

Вера не стала сразу говорить про Ратмира. Сначала спросила про старые знаки рода, про зимние клятвы, про то, бывает ли, что рана вдруг начинает жить своей собственной болью. Ведана слушала молча, растирая между пальцами сухой можжевельник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.